

Глава 41

В большинстве случаев столкновение чувств — это не ясная и четкая картина, а туманная, двусмысленная недосказанность. Она оставляет пространство для догадок и грез, дарит восторги и горечь сомнений, заставляя то замирать от счастья, то терзаться страхом потери. В этом и заключается пленительная магия любви — её прекрасная, притягательная и в то же время ненавистная сторона.

Звонок прервался, но сердце Сун Цзячжу всё еще было не на месте. Он хотел как можно скорее оказаться рядом с Лин Чжи, чтобы лично убедиться, что с тем всё в порядке.

В голове юноши эхом отзывались слова Лин Чжи; он подсознательно препарировал каждый звук, каждый слог. Первой мыслью собеседника в трудную минуту было связаться именно с ним — Сун Цзячжу и сам не знал, почему это так, но подобный подтекст заставлял его сердце трепетать от беспричинной радости.

Однако он не мог не задаться вопросом: не было ли в этом звонке горькой иронии? Ведь Лин Чжи знал, что он нем и не сможет ответить. Может быть, тот звонок был своего рода самоиронией?

Пока в его душе спорили противоречивые чувства, разум оставался сосредоточенным на экране телефона. Юноша ждал ответа, не сводя глаз с дисплея.

[Сун Цзячжу: Где ты живешь?]

Лин Чжи увидел сообщение, но ответил не сразу. Выдержав паузу в полминуты, он наконец набрал текст.

[Лин Чжи: Всё в порядке, тебе не нужно приходить. Ничего серьезного.]

Это был вполне логичный отказ. Даже между самыми близкими друзьями редко случается так, что из-за подвернутой ноги один бросает всё и мчится к другому домой.

[Сун Цзячжу: Ты ведь живешь один, это неудобно. Я куплю еды и приеду.]

Сун Цзячжу знал об одиночестве Лин Чжи — в процессе их прошлых занятий тот вскользь упоминал об этом. На самом деле, такая порывистость была совсем не в характере юноши, но сам он, казалось, этого не замечал.

Лин Чжи, будучи архитектором этой ситуации, разумеется, не стал его разубеждать.

[Лин Чжи: Твоя правда. Только возьми что-нибудь острое.]

Отправив это сообщение, он пошел к дому еще медленнее, чем прежде. До прихода гостя ему нужно было кое-что подготовить.

Получив адрес, Сун Цзячжу покинул торговый центр и первым делом направился в ближайшее заведение, чтобы купить ужин. Когда пакеты с едой были собраны, он вызвал такси.

Квартира Лин Чжи находилась на двенадцатом этаже. Поднимаясь в лифте, юноша невольно взглянул на свое отражение и поправил складки на одежде, после чего подошел к нужной двери и постучал.

Внутри оказалась просторная трехкомнатная квартира. В прихожей стояли комнатные растения, дверь в кухню была плотно закрыта, а столы в гостиной и столовой пустовали. Интерьер был выдержан в теплых тонах. На стене висела семейная фотография — четверо счастливых людей, а рядом с ней красовалась вышивка.

Заметив, что Сун Цзячжу пристально разглядывает её, Лин Чжи небрежно бросил:

— Ту, что рядом, вышивала моя мама.

Это была работа его матери, созданная еще много лет назад, когда вышивка крестиком только вошла в моду, и сохранившаяся до сих пор. На семейном снимке система для пущей достоверности заменила детское фото оригинального владельца тела на фото самого Лин Чжи в детстве.

Ему самому это казалось немного странным, но Сун Цзячжу, очевидно, думал иначе. Он отвел взгляд от маленького Лин Чжи, поставил пакеты с едой на обеденный стол и, посмотрев на ногу хозяина дома, спросил на языке жестов:

«Как ты?»

— Нормально, ничего страшного, — ответил Лин Чжи. — Только покраснело немного, да и не болит особо, если не трогать.

Он старался казаться беззаботным, но при этом устроился на диване, вытянув поврежденную ногу на мягкую подставку. Возле белой щиколотки отчетливо виднелся красный отек.

Сун Цзячжу быстро показал:

«Дома есть лечебная настойка?»

— Есть, в спальне, — сказал Лин Чжи. — Я только что принес её, но передумал — больно очень. Давай сначала поедим.

«Нельзя, — Сун Цзячжу нахмурился. — Если не растереть настойкой или не приложить лед, может стать хуже. А вдруг завтра раздует сильнее?»

«Сейчас зима, лед прикладывать холодно. Лучше использовать настойку»

Его пальцы буквально летали в воздухе — юноша увещевал его со всем возможным усердием, почти по-отечески.

Лин Чжи зажмурился и с напускным безразличием проговорил:

— Я не вижу, что ты там показываешь.

В воздухе воцарилась тишина. Лин Чжи мысленно гадал, какой будет реакция Сун Цзячжу, как вдруг почувствовал, что тот подошел совсем близко.

От него пахло свежестью чистого белья — этот аромат исходил от его одежды, но в нем ощущалось и нечто иное, напоминающее запах зеленого бамбука после дождя. Лин Чжи почувствовал прикосновение пальцев к своим векам и инстинктивно открыл глаза, встретившись взглядом с Сун Цзячжу, который как раз собирался мягко заставить его разомкнуть веки.

Глаза Сун Цзячжу были глубокого черного цвета; когда он смотрел на кого-то, в его взоре читалась необычайная серьезность. Лин Чжи заметил, как лицо юноши залил едва заметный румянец, но сам он, кажется, не осознавал своего смущения.

Он изо всех сил старался сохранять спокойствие, показывая жестами:

«Теперь видишь»

— Маленький немой, хорошо, что ты говорить не умеешь, иначе ты бы меня точно заездил своими нотациями.

В голосе Лин Чжи сквозила привычная лукавая дерзость, но Сун Цзячжу она больше не задевала.

«Настойка»

— Мне лень вставать, — Лин Чжи откинулся на спинку дивана. — Иди сам в мою комнату и возьми.

Сейчас на нем был не тот наряд, в котором он выходил из дома, а мягкая ворсистая пижама.

Он махнул рукой в сторону своей спальни.

Сун Цзячжу не ожидал, что его так просто впустят в святая святых, и его сердце на миг сбилось с ритма. Лин Чжи проводил его взглядом, и уголки его губ едва заметно приподнялись. На самом деле, для друзей или одноклассников зайти в комнату друг к другу — дело обычное. Но те, у кого в душе рождаются иные чувства, неизбежно начинают искать в этом особый смысл.

Сун Цзячжу толкнул дверь и окинул взглядом комнату. Она была больше его собственной. На подоконнике лежало несколько подушек, на письменном столе — стопки книг, а на стене висел постер с каким-то знаменитым актером. Сун Цзячжу не узнал его, поэтому не удержался и сфотографировал плакат, решив разузнать о нем позже.

Одеяло и постельное белье Лин Чжи были пушистыми и мягкими — они выглядели очень уютными и теплыми. Сун Цзячжу еще раз огляделся и наконец заметил на столе лечебную настойку. Бутылочка стояла на какой-то книге, из-под которой на пару сантиметров выглядывал край фотографии.

«Нехорошо копаться в чужих вещах, — подумал он»

Однако рука, словно ведомая собственной волей, потянулась к снимку и слегка потянула его на себя.

Фотография была сделана украдкой, судя по всему, на баскетбольной площадке. Вероятно, после съемки её обработали и распечатали: лица всех присутствующих были заклеены забавными мультяшными наклейками, и только один человек был виден отчетливо. Глядя на это лицо, Сун Цзячжу мгновенно узнал в нем того самого парня, который несколько дней назад подходил к нему вечером.

Взгляд юноши помрачнел. Он неподвижно простоял так какое-то время, а затем вернул фотографию на место.

Сун Цзячжу вышел из комнаты с настойкой в руках. Лицо его было бесстрастным — настолько, что невозможно было догадаться о бушующем внутри шторме. Ему стоило огромных усилий не смять тот снимок; стоило лишь чуть сильнее сжать пальцы, и бумага превратилась бы в бесформенный комок.

Это лицо вызывало отвращение. Даже недавнее доброжелательство того парня теперь казалось Сун Цзячжу невыносимо фальшивым.

«Так тебе нравится именно этот человек? — терзался он. — Почему... почему именно он?»

Волна жгучей досады раз за разом накрывала его сознание. Сун Цзячжу опустил перед Лин

Чжи, устроил его ногу у себя на коленях и откупорил бутылочку. Но стоило ему только поднести руку к щиколотке, как Лин Чжи попытался отстраниться.

— Я боюсь боли.

Юноша нахмурился, явно подыскивая повод отказаться. Но Сун Цзячжу крепко обхватил его лодыжку, не давая отступить, и, глядя Лин Чжи прямо в глаза, показал жестами:

«Я буду очень осторожен. Тебе не будет больно»

«Я не причиню тебе боли. Так почему... почему это не могу быть я? Почему не я?»

Тайное, острое желание, смешанное с уродливой ревностью и безмолвной надеждой, наконец нашло выход. В этот миг Сун Цзячжу окончательно понял истинную причину своего странного состояния. Юношеская страсть, точно искра в сухой степи, в мгновение ока обратилась в пожар.

Сун Цзячжу начал мягко растирать щиколотку Лин Чжи. В глубине его черных глаз затаилась неосознанная мрачная тень, подобная силуэту мертвого дерева, ползущему по земле в холодную лунную ночь.

«Я заменю его»

Несмотря на все старания Сун Цзячжу быть нежным, лечебный эффект наступал только при интенсивном растирании. От резкой боли в глазах Лин Чжи быстро собралась влага. На самом деле, если бы Лин Чжи захотел, он вполне смог бы стерпеть это без слез, но зачем?

«Каждая моя слезинка предназначена лишь тем, кто достоин их видеть, — подумал он»

Как бы Сун Цзячжу ни старался сдерживаться, Лин Чжи ощущал исходящее от него тяжелое напряжение. Сказать по правде, фотография была подброшена слишком уж нарочито, но юноша вряд ли стал бы в это вникать. Скорее всего, он решил, что Лин Чжи, вернувшись домой, обдумывал их разговор и снова и снова смотрел на снимок Сюй Леяна.

Эту фотографию Сюй Леяна сделал еще прежний владелец тела; было еще несколько подобных кадров с баскетбольной площадки. Лин Чжи прибрал их в первый же день своего появления здесь, уже тогда зная, как их использовать. Момент настал, и он просто ускорил выполнение плана. Порой дела идут не совсем по графику, но пока это не ведет к провалу, такие импровизации лишь делают игру интереснее.

Разумеется, он не ставил себе целью свести Сун Цзячжу с ума от ревности — это было лишь средством достижения цели. К каждому осколку личности нужен свой подход. Но то смятение, что исходило от юноши, доставляло Лин Чжи искреннее удовольствие. Это было ярким

доказательством того, что он ему небезразличен. Иногда Лин Чжи и сам казался себе странным — эдаким монстром, питающимся чужой привязанностью и зависимостью.

Но он был крайне разборчив и интересовался только теми, к кому у него самого лежала душа. Только если человек вызывал у него отклик, Лин Чжи хотел с ним сблизиться — лишь тогда чужие чувства обретали для него ценность.

— Сун Цзячжу, хватит.

Запах настойки заполнил комнату. Кожа на щиколотке уже слегка покраснела, и из-за этого покраснения сам отек стал менее заметен.

Сун Цзячжу невольно засмотрелся на ресницы Лин Чжи, на которых дрожали слезинки. Пока он растирал ногу, Лин Чжи, вцепившись в декоративную подушку, уткнулся в неё подбородком. Его лицо выглядело сейчас донельзя трогательным и жалким. Должно быть, от боли его голос чуть подрагивал.

Юноша опустил свои невинные глаза, словно досадуя на собственную слабость, а его губы непроизвольно разомкнулись. Сун Цзячжу на миг забылся, и его рука сама собой надавила чуть сильнее. Лин Чжи коротко вскрикнул от боли, и его пальцы судорожно сжали подушку. Тонкие руки напряглись, под бледной кожей четко проступили голубоватые вены.

— Сун Цзячжу... ты сделал мне больно.

В голосе Лин Чжи звучала обида, а во взгляде читался немой укор. Но в отличие от того случая на стадионе, его слезы больше не вызывали у Сун Цзячжу отторжения. Напротив, в его душе родилось странное, щемящее чувство, заставившее его осознать: он и сам может быть весьма жестоким.

<http://bllate.org/book/15821/1436483>